

3. Лякин В.А. Белорусские поля сражений 1812 года / В.А. Лякин. – Мозырь: КПУП «Колор», 2009 – 308 с.

4. Лукашевич А.М., Яцкевич Д.Л. Беларусь и война 1812 года: Документы /сост. А.М.Лукашевич, Д.Л. Яцкевич; редкол.: В.И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларусь, 2011 – 559 с.

5. Васильев И.Н. Несколько громких ударов по хвосту тигра / И.Н. Васильев. – М, 2001, – 289 с.

6. Харкевич В. 1812 г. Березина. Военно-историческое исследование / В. Харкевич. – СПб: Военная типография, 1893, – 209 с.

Несостоявшийся «Бобровский котел»

Д.Н. Хромченко, канд. ист. наук, доцент

Событиям войны 1812 г., двухсотлетие которой исполняется в 2012 г., посвящено немало научных публикаций и популярных изданий. Однако в них относительно поверхностно описываются события, происходившие на территории Беларуси, при этом в основном акцентируется внимание читателей на переправе Наполеона через реку Березину возле города Борисова.

В то же время из поля зрения исследователей фактически выпал замысел командования русскими войсками о проведении генерального сражения и полном разгроме войск Наполеона еще ранее, между населенными пунктами Борисов и Бобр. Концептуально этот план был разработан непосредственно российским императором Александром I. Император исходил из принципиального соображения, что армия Наполеона должна быть разгромлена в пределах Российской империи, иначе, в случае избежания поражения, Наполеон сможет собрать новую армию и продолжить военные действия. Первоначально театром разгрома французской армии намечалась территория в междуречье рек Березина, Западная Двина и Днепр. Впоследствии, в ходе конкретизации плана и в соответствии с разворачивающимися событиями, территория предполагаемого окружения наполеоновских войск значительно сузилась. Согласно плану, Дунайская армия, которую возглавил П.В. Чичагов, двигаясь с Украины через Брест, Минск, заняв Борисов, должна была форсировать реку Березину и продолжать наступление с запада навстречу

наполеоновским войскам. Главные силы русских войск, возглавляемые фельдмаршалом Кутузовым, были повернуты на юг и двигались южнее параллельно старой смоленской дороге, по которой отступала французская армия во главе с Наполеоном. Этим маневром Наполеону оставлялся только узкий коридор в направлении г. Борисова, поскольку с севера через Чашники и Сенно, тесня французские части генералов Сен-Сира и К. Виктора, наступали корпуса графа П.Х. Витгенштейна, а с востока, с тыла, французам теснили казаки атамана Платова и другие части. 9 ноября конница Платова стремительным налетом заняла г. Оршу, захватив часть французского обоза и 26 орудий. Одновременно между частями Витгенштейна, Платова и Кутузова действовали партизанские отряды Давыдова и Сеславина (слева от большой дороги), Фигнера и Бороздина (справа). Кольцо окружения должно было сомкнуться в районе Лошницы – Бобра. В случае успеха операции, причем расстановка сил была очень благоприятна для российских войск, для Наполеона совершенно не оставалось шансов вырваться на оперативный простор, его войска должны были бы полностью разгромлены и война на этом была бы закончена.

Одобрив замысел окружения и разгрома неприятеля еще до форсирования р. Березины, император Александр I 8 ноября отправил Чичагову рескрипт, в котором изложил план разгрома Наполеона в пределах Российской империи. «Вы понимаете, – подчеркнул император, – до какой степени важно Ваше соединение с графом Витгенштейном, чтобы спереди встретить войска Наполеона, тогда как большая армия их преследует. Предстоит Вашему соображению принять меры, которые наиболее способствовали бы к достижению цели – не выпускать Наполеона из наших границ и уничтожить его войска, поставив их между Вами, Кутузовым, Витгенштейном и Штейнгелем. Подумайте, каковы будут последствия, если Наполеон перейдет наши границы и составит новую армию» [1, с. 630]. Далее Чичагову четко предписывалось после занятия Борисова и форсирования р. Березина «укрепить сильный лагерь, занимая и далее лес и держась по дороге от Борисова до Бобра и укрепляя по всей дороге сей все способные к тому места, так, чтобы на возвратном пути главной неприятельской армии, тут на каждом шагу могло быть производимо сильное сопротивление» [2, с. 128]. Таким образом, по

плану императора, Чичагов должен был двигаться навстречу Наполеону, одновременно создавая на дороге Борисов-Бобр ряд укрепленных позиций. Преодоление их должно было задержать главные силы французской армии до подхода других частей русских войск и завершения окружения. По свидетельству В. Харкевича, Чичагов надеялся достигнуть Бобра ранее прибытия Наполеона и рассчитывал, что движение его, угрожая тылу Виктора, вынудит последнего к отступлению и даст ему возможность соединиться с Витгенштейном. [3, с. 100]

Исходя из принципиальных предпосылок плана, уже после оставления противником Смоленска, Кутузов 1 ноября писал Витгенштейну: "Я полагаю, что главное поражение, которое неприятелю нанести можно, должно быть между Днепром, Березиною и Двиною». Узнав, что Витгенштейн повернул с севера к старой смоленской дороге и о благоприятном для русских исходе боя под Чашниками на этом пути, Кутузов с одобрением писал Витгенштейну: «После сего удачного сражения вижу я, что ваши действия сообразны будут *общему плану, мною утверждённому...*». После разгрома французских войск под Красным Кутузов дал уже более конкретные тактические указания Чичагову и Витгенштейну по завершению окружения главных сил французской армии. 6 ноября он приказал Чичагову: «Поспешите к общему содействию и тогда гибель Наполеона неизбежна, весьма необходимо открыть сношение между Вашей и главной армией... Содействие всех наших сил может нанести неизбежную гибель Наполеону». Витгенштейну Кутузов 7 ноября также указывал на необходимость взаимодействия для совершения совместных действий по окружению противника и его разгрому: «Действия Ваши на правый фланг противника удобны и подкреплены будут генералом Платовым и генерал-адъютантом Кутузовым, коим даны нужные наставления» [4, с. 316-318]. Через несколько дней Кутузов повторяет свое указание Витгенштейну о значении взаимодействия всех объединенных сил для выполнения главной задачи – истребления всех войск захватчиков. Мысль полководца выражена в письме достаточно ясно: «Одна главнейшая цель всех наших действий есть истребление врага до последней черты возможности и потому не могу я еще решиться отделить Вас с вверенным Вам корпусом от того театра войны, где решительные

удары неприятелю нанесены быть должны и от коих зависит, может быть, благоденствие не одного народа русского, но и всех народов Европы».

10 ноября М.И. Кутузов в письме Чичагову еще раз потребовал активизации действий по окружению и разгрому Наполеона: «Генерал Платов идет по пятам неприятеля, главная армия сего числа переправилась при Копыси через Днепр. Главной армии авангард под командованием генерала Милорадовича, состоящий из 2-го и 7-го корпусов при 2 кавалерийских дивизиях и 4 казачьих полках, прошел на Толочин. Вследствие этого, если даже граф Витгенштейн и будет удержан Виктором и Сен-Сиром, то Вы, соединившись с генерал-лейтенантом Эртелем и генерал-майором Лидерсом, довольно сильны будете разбить неприятеля.» [5. с. 185].

По логике событий, да и в соответствии с планом Александра I и диспозиции фельдмаршала М.И. Кутузова, армия Наполеона должна была быть полностью разгромлена в районе населенных пунктов Бобр-Крупки (находящихся на старой Смоленской дороге на расстоянии 8 км между ними), куда она прибыла 11 ноября. Как отмечал А.И. Михайловский-Данилевский, здесь «образовался «мешок», в который русские войска и партизаны загоняли французскую армию, тесня ее с востока. Войска Наполеона были зажаты в треугольнике Толочин-Черей-Лошница. К вечеру 10 ноября главные силы французов находились в Толочине и авангард в Бобре, 10-тысячный авангард Удино – у Лошницы, корпус Виктора – в районе Черей. Французская армия оказалась окруженной со всех сторон. На следующий день кольцо окружения сжалось еще больше. Главные силы армии и Наполеон с гвардией находились в с. Бобр, Удино – возле м. Крупки. На расстоянии одного перехода от арьергарда французской армии находились войска Платова, Ермолова и Милорадовича. «Таким образом, – доносил Кутузов царю, – все сии значащие силы непременно должны поражать неприятеля еще до переправы через Березину. Были предусмотрены все случаи, которые могли бы способствовать тому, чтобы пресечь Наполеону путь к спасению. Платов, Ермолов и Милорадович должны были действовать в тылу его, граф Витгенштейн – на правом крыле, Чичагов с фронта, главная армия с левого фланга. Летучие отряды бы-

ли посланы, с одной стороны, для наблюдения за противником, с другой – для поддержки связи с Витгенштейном» [4, с. 451]

Действительно, в это время положение главных сил французских войск было критическим. Главные силы «Великой Армии» во главе с Наполеоном после Смоленска и пересечения границы современной Беларуси насчитывали не более 80 тыс. человек. Во время боя под Красным потери французов составили убитыми и пленными свыше 25 тыс. человек. Таким образом, в строю оставалось не более 50 тыс. солдат и офицеров, причем почти полностью деморализованных и превратившихся, пожалуй, только за исключением императорской гвардии, в «цыганский табор». По воспоминаниям современников, «вся дорога от Красного до Борисова ...покрыта изломанными повозками, зарядными ящиками, брошенными орудиями и ружьями, мертвыми лошадьми, убитыми или умершими от голода и ран и замерзшими французами. Между ними было много умирающих, вокруг которых бродили толпами или порознь оборванные, обросшие бородами, полузамерзшие, черные от дыма бивуачных костров, бросившие оружие несчастные воины великой армии. Они походили скорее на страшные призраки, нежели на живых людей. Только ужасное зловоние, распространяющееся от их гниющих ран, только звериная жадность, с которою бросались они на всякий съедобный предмет, обнаруживали в них присутствие жизни». По свидетельству А.И. Михайловского-Данилевича, при подходе к Бобру армия Наполеона представляла собой «безоружные толпы пехоты и безлошадной конницы, с ничтожным остатком артиллерии, истомленные, обросшие бородами, покрытые рубищем и тряпьем, вместо обуви окутавшие ноги соломой и мешками... В холодный ноябрьский вечер, среди дремучих лесов неприятельская армия сходилась на ночлег вокруг Бобра. Не было правильного расположения лагеря, караулов, раздачи провианта. Каждый кидался на мерзлую землю, где и как хотел, питался чем мог, разъездов делать было некому; только при главной квартире Наполеона отправлялась служба его гвардией: пресловутая великая армия была доведена до подобия кочующих цыган» [4, с. 446].

На пути из Толочина к Бобру к Наполеону подошел офицер, присланный от маршала Удино, который с тремя дивизиями, не участвовавших в походе на Москву и поэтому сохранивших полную

боеспособность, двигался на соединение с главными силами и находился в это время возле м. Крупки, и доложил, что русская армия Чичагова заняла г. Борисов и все переправы через р. Березину. По словам очевидца, император отступил назад, бросил гневный взгляд на небо и, как бы угрожая, поднял вверх правую руку и произнес ужасное богохульство. Заметив стоящего рядом генерала Дода, император с ужасным выражением лица сказал ему «Они там!» [5, с. 393, 395]. Овладев собой, Наполеон тут же поручил связному офицеру передать приказ маршалу Удино немедленно двинуться на Борисов, нанести удар по войскам Чичагова, отбросить их за Березину, овладеть мостом в г. Борисове через реку и предмостными укреплениями. Одновременно маршалу Виктору было послано указание прикрыть главную дорогу с севера, внимательно следить за Витгенштейном и атаковать последнего в случае его движения против Удино.

Тем не менее, ввиду неясности положения, практически безвыходного, император в растерянности почти сутки 11 (23) ноября простоял с главными силами в м. Бобр. В отчаянии он приказал принести знамена полков и сжечь их, чтобы они не достались врагу. Тогда же император приказал также сжечь обозы, а лошадей передать в артиллерийские части, чтобы сохранить артиллерию. Все кавалеристы, у которых остались еще лошади, были сведены в один эскадрон, насчитывавший не более 500 единиц, командование над ним приняли генералы Груши и Себастьян. Остальные кавалеристы, оставшиеся без лошадей, были сведены в два пехотных батальона.

Эти дни, 10-13 ноября, могли бы стать последними для французской армии и для самого императора. Жалкие ее остатки практически были не в состоянии оказать сопротивление. Для русских же войск момент был самый благоприятный. 30-тысячная армия Чичагова заняла Борисов, преградив таким образом путь Наполеону на запад. Согласно рескрипту Александра 1, Чичагов должен был, как уже отмечалось выше, с главными силами, по пути создавая укрепления, двигаться навстречу Наполеону, перекрывая последнему этим самым движение вперед и стягивая узел окружения. Расстояние в 40-50 км от Борисова до Крупок или Бобра он мог преодолеть за день-два.

Корпус Витгенштейна, ранее защищавший петербургское направление, усиленный петербургским ополчением и прибывшими из-под Риги войсками Штейнгеля, представлял серьезную силу: 30 тыс. солдат и офицеров. С боями овладев Полоцком, Лепелем, войска Витгенштейна нанесли поражение корпусам французских маршалов Виктора и Удино у м. Чашники, отбросив к дороге Орша-Борисов, и к 9 ноября находились в 30 км севернее от м. Бобр, в районе Черей. Таким образом, Витгенштейн также мог в течение адного-двухдневных переходов подтянуть свои войска к Бобру или Крупкам.

Сзади армию Наполеона преследовали авангард генерала Милорадовича, состоящий из двух корпусов, одной кавалерийской дивизии и четырех казачьих полков, авангард генерала Ермолова из четырнадцати батальонов пехоты и двух полков кирасиров, четырнадцать казачьих полков и 12 батальонов пехоты под командованием генерала Платова, партизаны Давыдова, Сеславина, Ожаровского на левом фланге, отряд генерал-адъютанта Кутузова на правом фланге.

С юга в это время в районе м. Круглого двигались главные силы российской армии во главе с фельдмаршалом Кутузовым. К 11 ноября они также находились не далее, чем в 30 км от Бобра. Численность российских войск, включая партизан Давыдова и Сеславина, даже не учитывая главные силы российской армии, более чем в два раза превышала численность французской армии, причем практически небоеспособной. Оставалось только совершить последнее усилие, чтобы стянуть кольцо окружения вокруг Бобра, или, если Наполеон двинется вперед, в районе Крупок, и завершить разгром «Великой армии».

«Положение, в котором оказалась в это время французская армия, нельзя не признать критическим. Ей грозила опасность окружения силами, более чем вдвое превосходящими, и, казалось, единственная надежда ее на спасение заключалась в трудности установления связи и согласования действий отдельных русских армий... В период от Красного до переправы через Березину французская армия переживала критические минуты и только ошибки исполнителей плана императора Александра и ряд счастливых случайностей дали ей возможность избежать гибели». – писал в своем историческом исследовании «Березина» историк XIX ст. В. Харкевич

[3, с. 90, 203].

Однако последовала цепь случайностей, возможно, ошибок со стороны русского командования, которая позволила французскому императору выйти из практически безнадежного положения, продолжить движение вперед, лично спастись, бросив в Сморгони свои войска, и затем на протяжении 2 лет, собрав новую армию, продолжать военные действия против антифранцузской коалиции.

Кутузов, который, двигаясь с главными силами российской армии параллельно старой смоленской дороге, форсировал 10 ноября р. Днепр возле м. Копысь Оршанского уезда и далее, вместо сближения с Витгенштейном и Чичаговым, наоборот, направился на Круглое – Смолевичи, постепенно отклоняясь от старой смоленской дороги, по которой двигались отступающие французы. Поэтому к месту решающих событий главные силы российской армии подошли поздно и практически не приняли участия в боевых действиях.

Выполняя распоряжение российского императора, Чичагов действительно переправился со своими войсками на противоположный берег р. Березина у г.Борисова, но далее он нарушил предписание и сам допустил тактическую ошибку. Считая, что французские части, находившиеся в Борисове, полностью разбиты, а Наполеон со своими войсками находится еще далеко, он остановился на месте и не стал двигаться дальше, более того, часть своих сил, около 3 тыс. человек, отправил в окрестные деревни для заготовок продовольствия и фуража. Кроме того, «9-го и 10-го не было назначено начальника авангарда на место раненого графа Ламберта, от чего действия авангардной службы прекратились. Двое суток не посылали разъездов, не отрядили никого для преследования Домбровского, выбитого из Борисова, и не принимали мер для получения сведений о неприятеле, хотя и должно было скоро ожидать прибытия Наполеона к Березине. 10-го ноября, поздно вечером, было велено генерал-майору графу Палену принять начальство над авангардом, состоявшим из полков: 4-х егерских, 3-х регулярной конницы, 5-и казачьих, и 3-х рот артиллерии, и выступить в 4 часа утра к Лошнице, по дороге к Бобру, куда вслед за ним хотел следовать Чичагов со всею армией»[4, с. 447]. Другими словами, Чичагов два дня провел в полном бездействии, хотя за это время он смог бы к 11 ноября со всей армией уже подойти к Бобру. Таким образом, были распылены

силы, потеряно время и упущена инициатива в боевых действиях. К этому следует добавить, что к 11 ноября армия Наполеона была практически не в состоянии оказать сопротивление, разобщена, свежие корпуса Виктора и Удино находились еще на расстоянии от нее. Однако нерешительность российских военачальников привела к потере времени и благоприятных возможностей для нанесения окончательного удара по противнику и позволила французам начать концентрировать свои силы. Именно в Бобре 11 ноября к главным силам Наполеона присоединились несколько полков маршала Виктора, таким образом, несколько повысив боеспособность «Великой Армии». Вскоре произошло соединение и с остальными частями маршалов Виктора и Удино.

Выполняя приказ Наполеона, маршал Удино у м. Крупки объединил свои войска с остатками разбитых войск генералов Домбровского и Брониковского, отступивших от Борисова и 10 ноября спешно двинул сводный отряд в направлении Борисова. У д. Лошница утром 11 ноября главные силы корпуса Удино вместе с остатками дивизии Домбровского численностью до 10 тысяч человек встретились с русским авангардом графа Палена, высланным на разведку Чичаговым. Завязался бой. От пленных Пален узнал, что главные силы армии Наполеона находятся лишь на расстоянии одного перехода, у м. Бобр и немедленно послал донесение Чичагову с просьбой прислать подкрепление. Чичагов же не придавал значение этому рапорту и решил, что Пален преувеличивает опасность и перед ним находятся лишь разбитые французские части. Вместо оказания помощи своему авангарду он продолжал стоять в бездействии с главными силами у Борисова. В этом была его вторая крупная стратегическая ошибка. На протяжении нескольких часов авангард Палена вел бой с превосходящими силами противника и, не получив подкреплений, к полудню 11 ноября был разбит. Часть его сил, в составе 3 егерских полков, отрезанная от основных сил, отступила к деревне Староселье, остальные в беспорядке начали отступать к Борисову или рассеялись по окрестным лесам. Не встретив дальнейшего сопротивления, французская конница через несколько часов достигла р. Березины. Для Чичагова это было полной неожиданностью. Его войска в беспорядке отступили по единственному

мосту на правый берег Березины, оставив неприятелю весь обоз. Потери составили около 1000 человек.

Наполеон, который находился в это время еще в м. Бобр, получил от курьера сведения о том, что путь впереди свободен и тут же отдал приказ спешным маршем двигаться к Борисову. Перед началом марша он отдал повторный приказ о сожжении обозов и велел всех освободившихся лошадей впрягать в орудийные повозки. Правда, как отмечал А.И. Михайловский-Данилевский, «повеления Наполеона об истреблении частных обозов не были исполнены в точности. Военные и нестроевые раздавали золото, склоняя жандармов не жечь повозки; подкуп был последним средством сохранить уцелевшие пожитки и выбраться из России».

Утром 12 ноября Наполеон с главными силами выступил из Бобра в направлении к Борисову. Поскольку Кутузов со своими войсками, значительно отстав и отклонившись в сторону, находился еще на безопасном расстоянии, непосредственная опасность представлялась со стороны войск графа Витгенштейна, к которым присоединился корпус генерала Берга. Но, заняв Черю, Витгенштейн, не имея сведений о действиях остальных частей российской армии, некоторое время в нерешительности простоял на месте, упустив этим самым время. Тем не менее, к 10 ноября главные силы его войск уже находились в районе Лукомля, на границе с современным Крупским районом, но в это время Витгенштейн совершил еще одну ошибку, не пошел к Бобру, до которого оставалось около 20 км, а резко повернул свои войска, двинувшись параллельно старой Смоленской дороге по направлению к Барани, в итоге авангард под командованием генерал-лейтенанта Е.И Власова (командир 14 пехотной дивизии) вышел к м. Холопеничи в 28 км от старой смоленской дороги на полпути от Бобра к Борисову, его же передовой отряд под командованием генерал-майора В.И. Гарпе (командир Нарвского пехотного полка) – к д. Батуры в 10 км от старой смоленской дороги. Этим самым, правда, перекрывался путь возможного отступления Наполеона в сторону Борисова, но в то же время еще оставалась реальная возможность выхода к главному пути отступления французской армии в районе Крупок и ее окружения [7, с. 216].

Генерал-лейтенант Властов объединил сводный гусарский и два казачьих полка под командованием полковника Гернгросса и поставил им задачу спешно двигаться к смоленской дороге. Его отряд к полудню 11 ноября достиг деревни Волковыск в 15 км от Крупок и 7 км от старой смоленской дороги и вступил в бой с французской дивизией, направленной маршалом Виктором в качестве заслона к Холопеничам. Отступив под натиском превосходящих сил противника, полковник Гернгросс возле д. Уznaцк соединился с частью сил генерал-лейтенанта Властова, усиленных несколькими орудиями, и вновь атаковал французов. Одновременно русская артиллерия удачными залпами остановила пехотную бригаду Бельяра, которая спешила на помощь своим войскам. В ходе боя было убито и ранено 27 французских офицеров, около 300 солдат, взято в плен 1500 человек, однако прорваться к старой смоленской дороге русским войскам не удалось. К вечеру 11 ноября генерал-лейтенант Властов со своими частями возвратился к главным силам, остановившимся в Холопеничах. В итоге Наполеон избежал флангового удара и с основными силами 12 ноября прибыл к д. Лошница недалеко от Борисова [6, с. 243,244].

Маршал Виктор, которого теснил со стороны Черей граф Витгенштейн, со стороны Холопенич – генерал Властов, решил дать решающий бой возле д. Батуры между м. Холопеничи и д. Уznaцк. Однако его силы были ослаблены, поскольку Наполеон приказал часть войск срочно двинуть к Борисову, чтобы обеспечить переправу через Березину. Поэтому Виктор смог оставить в качестве заслона только одну дивизию. Утром 12 ноября возле д. Батуры возобновился бой между французскими и русскими войсками, который длился почти весь день. Последними командовали генералы Гарпе и Дибич, к вечеру туда же прибыл и генерал-лейтенант Властов, который принял на себя общее командование. Благодаря стойкости французских войск, выдержавших натиск превосходящих сил, основные силы армии Наполеона смогли оторваться от преследования и выйти к Борисову. Более того, войска Витгенштейна не успели своевременно выйти к Березине, что дало возможность корпусу Удино навести два моста возле д. Студенка, через которые и была произведена под шквальным огнем российских орудий переправа наиболее боеспособных французских частей.

Таким образом, еще одним фактором, который позволил Наполеону избежать полного поражения и личного пленения, стала стойкость сохранивших боеспособность французских частей Виктора, которые сумели перекрыть путь движения корпусов Витгенштейна и таким образом создать заслон для отступающей наполеоновской армии с севера.

В итоге Наполеон избежал полного поражения, смог впоследствии добраться до Франции и продолжить военные действия. Таким образом, днем «Х», т. е., днем разгрома Наполеона в «Бобровском котле», мог быть 11 ноября 1812 г. Однако этого не произошло вследствие ряда объективных и субъективных факторов.

Это прежде всего медлительность и нерешительность действий российских военачальников Чичагова, Витгенштейна, Кутузова, допущенные ими тактические ошибки: опоздание Чичагова с выстулением с Борисова, неправильная оценка действий противника, необоснованный отказ в помощи своему авангарду, нерешительность в проведении боевых действий; задержка Витгенштейна у м. Чашники и Черей, необоснованный поворот движения вверенных ему войск на восток, параллельно старой смоленской дороги, вместо того, чтобы перерезать ее; медлительность самого Кутузова, его нерешительность и необоснованное отклонение от старой смоленской дороги на юг с главными силами армии, исключив их из активных боевых действий. Как отмечал В. Харкевич, в этом был стиль руководства М.И. Кутузова: «избегая решительного боя и сохранив по возможности собственные войска от потерь, постепенно ослабить французскую армию и довести ее до полного разрушения... Он остается верен этой основной идее и после сражения под Красным, когда сильное расстройство французской армии стало для него уже совершившимся фактом. «Наши молодые и горячие головы, – говорил он принцу Евгению Виртембергскому, – сердятся на старика за то, что он сдерживает их пыл, а не подумают, что самые обстоятельства делают больше, нежели им кажется» [3, с.203].

Этот вывод В. Харкевича, пожалуй, объясняет одну из главных причин провала плана окружения и разгрома армии Наполеона. Кутузов принципиально расходился с императором Александром I в определении стратегии ведения войны: император считал необходимым полностью завершить разгром Наполеона, Кутузов же стре-

мился сохранить российскую армию и просто выгнать Наполеона за пределы Российской империи, не беспокоясь о дальнейшем развитии событий. Об этом прямо заявил в своем историческом исследовании Тарле, анализируя план императора Александра I: «Были разработаны и все подробности, и все выходило гладко и безошибочно. По крайней мере, в Зимнем дворце план оказывался великолепным... Кутузов же поступил в своем всегдашнем духе: он ничего не возразил по существу и направил соответствующие распоряжения Витгенштейну и Чичагову, но он не одобрял этот план, не желал его осуществления и не верил в его осуществление. Он сделал вид, будто принял план.

Однако царь очень хорошо понял натуру и отношение фельдмаршала к его царской особе. Царь не верил ни одному слову Кутузова и пустился на опаснейшее дело: за спиной и без ведома фельдмаршала он стал давать указания и советы, которые, исходя от царя, получали, конечно, значение повелений как Витгенштейну, так и Чичагову. Получалась путаница, выходил разнбой и двоевластие.

У Кутузова была определенная политическая цель, в которой он видел благо России, и эта цель заключалась в том, чтобы выгнать Наполеона из России, и ни шагу далее... Радикально противоположной была точка зрения царя: захватить в плен Наполеона и низвергнуть этим его с престола было важнее всего на свете. До царя уже доходило, как в Европе ждут именно этого решения» [8, с. 691].

Четкому выполнению намеченного плана препятствовало также отсутствие стабильной связи между разрозненными группами российской армии. Об этом, в частности, пишет П.А. Жилин: «Для того, чтобы осуществить окружение, требовалось организовать четкое взаимодействие и управление войсками. В то время это было довольно сложной проблемой: отсутствие технических средств связи было прямым тормозом в успешном ее решении. Основным средством связи тогда были курьеры. Неточность и несвоевременность получения сведений о положении своих же войск приводили иногда к несогласованным действиям армии» [9, с. 313].

К субъективным факторам можно отнести и личностные взаимоотношения между российскими военачальниками, в частности, между Чичаговым и Витгенштейном, препятствовавшие успешному соединению их войск. «Около 10-и часов вечера один из наших

партизан, полковник Сеславин, явился ко мне от лица графа Витгенштейна. – говорит адмирал (Чичагов–Д.Х.). – Он спрашивал меня, как я намерен действовать, таким образом, который мне ясно показал, что Витгенштейн считает себя совершенно независимым начальником и будет поступать так, как ему покажется удобным. И так...выступили мелкие притязания личного самолюбия и помешали придать необходимое единство, которого требовали наши действия!»[10, с.18].

В числе факторов, способствовавших избежанию Наполеоном окружения, следует отметить и действия французских войск, в частности, корпуса Виктора, который, втрое уступая по численности войскам Витгенштейна, смог остановить их у деревень Батуры и Волковыск и таким образом прикрыть главную дорогу, по которой смогли отступить главные силы Наполеона.

Использованная литература

1. Ниве П.А. Отечественная война 1812 года / П.А. Ниве. – СПб: Типография морского министерства в главном адмиралтействе, 1912. – 339 с.

2. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: в 2 т. /составитель генерал-майор М. Богданович. – СПб: императорская Российская академия, 1860. – Т.2. – 344 с.

3. Харкевич В. Березина. Военно-историческое исследование / В. Харкевич. – СПб:военная типография (в здании Главного Штаба), 1893. – 311 с.

4. Отечественная война. Описание войны 1812-1815 гг., составленное по сочинению А.И. Михайловского-Данилевского.– СПб:издание А.А. Каспари, 1899.– 420 с.

5. Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова о войне 1812 года / А.П. Ермолов. – Лондон, 1863 г. – 266 с.

6. 1812 год. Очерки и рассказы из истории Отечественной войны / составитель Д.И. Троицкий. – СПб, 1900, 418 с.

7. Памятная книжка Минской губернии за 1912 г.– СПб, 1913.– 286 с.

8. Тарле Е.В. 1812 год / Е.В. Тарле. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1959. – 818 с.

9. Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. / А.П. Жилин. – М.: Наука, 1988. – 492 с.

10. Отечественная война 1812 года. От Малоярославца до Березины. – СПб: Типография В.С. Балашова, 1877. – 269 с.

“Беларускі скарб” Напалеона: міф ці рэальнасць?

А.В. Лепеш, канд. гіст. навук, дацэнт

У 2012 г. святкуецца 200-годдзе з нагоды перамогі Расійскай дзяржавы над Напалеонам у вайне 1812 г. Гэтай падзеі прысвечана шмат канферэнцый, “круглых сталоў”, экспазіцый ў музеях. Адна з найцікавейшых тэм вайны 1812 г. – тэма страчанага скарба Напалеона, якая і стала прадметам даследвання ў дадзеным артыкуле.

24 ліпеня 1812 г. «Вялікая армія» Напалеона пераправілася праз Нёман у ваколіцах Коўна (цяпер літоўскі Каўнас) на тэрыторыю Расійскай імперыі. Большая частка падзей вайны 1812 г. адбылася на беларускай зямлі, на абшарах паміж Дняпром і Заходнім Бугам, Паўночнай Дзвіной і Прыпяццю. Упартыя баі пад Мірам, Кобрынам, Астроўна, Полацкам, Гарадзечна, Чашнікамі, Бабруйскам, Смаленскам не перашкодзілі французам 14 верасня 1812 г. уступіць у Маскву, якая была пакінута без бою. Цікава адзначыць, што падзенне Масквы стала першым крокам да падзення самой напалеонаўскай Францыі. Нездарма ўсяго праз некалькі гадоў пасля свайго драматычнага паражэння, падчас ссылкі на востраў Святой Алены, былы імператар напіша ў сваім дзённіку: «Я павінен быў бы памерці адразу ж пасля ўступлення ў Маскву...».

Усяго 34 дні прабылі французы ў Маскве, рабавалі яе, таму што Масква лічылася «ваенным трафеем». За месяц Масква была дашчэнтку спалена. З «Вялікай арміі» французскае войска хутка пачало ператварацца ў дрэнна кіруемую банду марадзёраў, рабаўнікоў і гвалтаўнікоў. Безумоўна, Напалеон бачыў разладжэнне сваёй некалі дысцыплінаванай арміі і хутка зразумеў, што страчвае кантроль над ёй. Таму 19 кастрычніка армія пакінула спаленую Маскву. Наперадзе ляжаў шлях дадому. Як і любая армія ў паходзе, войска Напалеона было абцяжарана шматлікімі абозамі, карэтамі,